

- 'тусклый свет; блеск; белизна' (ср.: *Он слеп, только л у н ь видит.* Даль II ⁴, 707—708): *лунйтъся* 'светить; отсвечивать; тускло светлеться; светать', *лунйтъ* 'светить слабым мутным блеском; хлопать глазами, выказывая бельма' и т. п. Ср. особенно в связи с значением 'membrum virile' рус. диал. *лүно*, об окопечности детородного члена у жеребцов и меринов (*плёшка* и т. п.), ср. СРНГ 17, 196. Еще в прошлом веке было подмечено, что лтш. *līgubīt*, особенно в песнях Ивановского цикла (24 июня), употребляется фактически для обозначения «игры цветов и света» в связи с характерной «игрой» солнца в этот день (ср., например, *parādies tu, sa u l i t e, kuru vidu tu l i g u o j i; l i g u o s a u l e launagā, nuo launagā vakarā.* Mülenbachs—Endzelins II, 484; *L'e i g o j bite, L'e i g o j s a u l e . . .* и др.). См.: *Вольтер Э. А.* Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии, 1. СПб., 1890, 44 и сл., не говоря уж о ряде более поздних исследований. Мотиву солнечной пляски (*saul- & līg-*) отвечали бы такие употребления глагола *лунйтъся*, как: *С о л н ы ш к о зашло, а в окнах л у н и т с я*, т. е. «отражается слабым светом, тусклым отблеском» (СРНГ 17, 195), и, может быть, название пляски вроде казачка *лунёк*; ср. выше. др.-инд. *līṅgayati* 'расписывать красками' (= 'испещрять').
- ⁵⁴ Ср., напр., лит. *viřptis* 'тычинка; шест', *vārpa* 'колос', но и 'm e m b r u m v i r i l e', лтш. *vařpa, varpiņa*, прус. *arwarbs* 'оселина; droga' — при таких «коровайных» контекстах, как: *Ой, караваяу, караваяу, які жа ты в ы р а п а а ю; Росты, караваяу, росты, як хмель на тычине; Росці, караваяу, выше столба медзяного* и т. п. и фаллических символах из теста, помещаемых на самом коровае. — К сексуальным ассоциациям рус. *ляг-ср.* характерное словопользование в частушке, возникшей в пореформенное время: *Сорок лет коровы нет, Маслою отрыгается, На дворе один петух С курочкой ляг а е т с я*. См.: *Елеонская Е. Н.* Сборник великорусских частушек. М., 1914, № 834. Бытование этой частушки в наше время в Ленинграде (Удельнинский парк) отмечено в статье: *Шаповалова Г. Г.* Деревенская частушка в городе. — В кн.: *Этнографические исследования Северо-Запада*. Л., 1977, 86.
- ⁵⁵ Ср. слав. **kleřiva* : **kleřti* при **kloniti* (т. е. наклониться, сгибаться и т. п. как действия, выражающие, в частности, обряд принесения клятвы).
- ⁵⁶ Ср. монг. *ogungo, ogunga* 'знак; знамя'.

О. Н. Трубочев

INDOARICA В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. ЭТИМОЛОГИИ

Θαμρασάδας — 'Οκταμρασάδης

С этими личными собственными именами, выступающими в «Скифском рассказе» Геродота, связано немало проблем. Первое из них — имя бога, эквивалентного греческому богу морей Посейдону: *ὀνομάζονται δὲ Σκυθισταί... Ποσειδάων δὲ Θαμρασάδας* (вар. *Θαγμρασάδας*) (Herod. IV, 59). Перед этим там же Геродот говорит, что Посейдону приносят жертвы царские скифы, что, откровенно говоря, затрудняет нижеиследующие соображения, однако не настолько, чтобы полностью перевесить сообщаемые нами далее наблюдения над конкретными моментами формы этого и парного с ним другого имени — 'Οκταμρασάδης. Лицо, носившее это второе имя (Herod. IV, 80), не было богом и относилось не к скифам царским, а к другой, западной части Скифии, граничившей с Фракией (по Нижнему Дунаю), а также с землей агафирсов на западе. Отец Октамасада, местный скифский царь Ариашф,

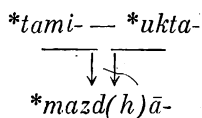
погиб от козней царя агафирсов Спаргапифа. Сыновья Ариапифа — Скил и Октамасад — родились от нескифских матерей: первый — от истриянки (т. е. видимо, гречанки), второй — от дочери фракийского царя Терая. При этом один носил выразительное имя Σκόλης, этимологически (если из ир., скиф. *skida-) тождественное одному из самоназваний скифов — Σκόβος (подробностей этимологии здесь не касаемся¹), а второй получил имя, иранский, скифский характер которого отнюдь не достоверен. Такие авторитеты в исследовании скифских имен как Фасмер и Абаев не могли доказать иранско-скифскую принадлежность имени Ὀκταμαζάδης: Фасмер, формально рассматривая это имя среди скифских реликтов, склоняется к мысли, что это скорее фракийское имя², а Абаев вообще не включает имена Ὀκταμαζάδης, Θαρμαζάδας в свою известную работу «Скифский язык» (Абаев ОЯФ I, 147 и сл.), в новом издании называемую «Скифо-сарматские наречия»³.

Нетрудно видеть парную связь этих имен — теонима Θαρμαζάδας и антропонима Ὀκταμαζάδης. Этимологический анализ во всяком случае должен строиться на учете этой связи, которая уже априори, т. е. до начала собственно этимологического исследования, диктует условия и указывает, что оба имени двучленны, причем второй член у них общий (-μαζάδας, -μαζάδης), а первые члены — разные (Θαρμ-, Ὀκτα-). Для иного членения эта яркая парность не дает оснований, поэтому, когда Фасмер ищет объяснение в фракийском, он, видимо, допускает подмену лингвистических аргументов брачными и династическими (мать Октамасада была дочерью фракийского царя), пытаясь же, далее, сблизить форму имени Ὀκταμαζάδης с якобы фракийским именем Μηδοζάδης, он нарушает названное выше условие членения, заданное парностью обоих заинтересовавших нас имен, что неминуемо обрекает его анализ на неудачу⁴.

После этого необходимого критического вступления мы не видим иной возможности объяснения имени Θαρμαζάδας (считая этот вариант чтения наиболее авторитетным), кроме как из индоарийского *tami-mazd(h)ā- 'мудрый (своим) молчанием', ср. др.-инд. tāmyati 'задыхаться, терять сознание, слабость; утомляться; томиться'⁵, родственное слав. *tomiti (иранские соответствия нам неизвестны) (Mayrhofer I, 495), а также — для второго компонента имени — ср. др.-инд. medhā- 'мудрость', medhā- 'разумный'⁶, до исчезновения в последнем z, ср. авест. mazdā 'мудрый' (Mayrhofer II, 685—686)⁷. «Скифское» имя бога моря расшифровывается, таким образом, как 'мудрый молчанием' (см. также ниже). В свою очередь, имя Ὀκταμαζάδης могло бы продолжать индоар. *ukta-mazd(h)ā- 'мудрый (своей) речью', второй компонент которого идентичен аналогичному компоненту первого имени. Иранское происхождение имени в целом менее вероятно, ему проговорилось бы отличие форм (а в них — групп согласных), ср., с одной стороны, др.-инд. ukta- 'сказанный произнесенный; слово'⁸, а с другой стороны — авест. ūhtō- (Mayrhofer I, 495). Кстати сказать, последняя (иранская) форма могла бы быть довольно адекватно передана средствами греческой графики как *Ὀῦχθα- или *Ὀχθα-, чего, однако, не произошло,

и мы имеем в действительности довольно характерную форму 'Окта-, принципиально более близкую индийскому, а не иранскому состоянию. Любопытно отметить, что фактически тождественную этимологию уже выдвигал Мюлленхоф, с тем существенным отличием, что, руководствуясь своей идеей иранской принадлежности скифского, он выдвигал ее в иранской версии, что встретило как раз критику с фонетической стороны у Фасмера⁹. При этом ни тот, ни другой не обратились к более точному индийскому соответствию.

Ценная для нас лексико-семантическая оппозиция *Θαμρασάδας* — 'Οκταμαζάδης подкрепляет предположение о наличии в первом из них основы со значением 'молчать', хотя прямо это значение не засвидетельствовано ни у др.-инд. *tam-*, ни у и.-е. родственных форм. Но индоевропейские глаголы со значением 'молчать' вообще все региональны и обычно образованы путем инноваций, известны и примеры семантической эволюции 'слабеть' → 'молчать' (см. Buck 1258—1259: 'be silent'). Нельзя поэтому исключать принципиальной возможности развития местным древним диалектом своего термина 'молчать', отличного от др.-инд. *tūṣṇim*, авест. *tušni-* тем более, что коррелятивное *ukta-* 'слово, речь' оставляет нам только эту возможность:

Остается весьма серьезная проблема отражения **mazd(h)\bar{a}* в виде *-μασαδας, -μασαδης*, т. е. передачи туземного *zd* через греч. *σαδ*. Казалось бы естественным ожидать передачи *zd* с помощью греч. *ζ*. Однако специальные исследования привели к заключению, что в ионическом и аттическом вариантах греческого языка *ζ* не произносилось как *zd*¹⁰. Правда, тот же исследователь отмечает произношение *ζ = zd* в лесбосском письменном варианте и — в традиции ученых грамматиков. Этой последней мы обязаны также случаями передачи др.-перс. *Artavazda* как 'Αρτάβαζος (Геродот) или *Auramazdā* как 'Αυρομαζάνης (Платон)¹¹. Как бы то ни было, идентификация *-μασαδας = -mazd(h)\bar{a}* продолжает оставаться спорной именно в этом пункте.

Принадлежность Октамасада к скифской царской фамилии и одновременно — нескифские, индоарийские корни его имени не должны удивлять. Как раз здесь, в западной, или, по Геродоту, «Старой» Скифии царствовал раньше род Анахарсиса, отмеченный выразительно неиранской антропонимией с индоарийскими связями: Гпур, Анахарсис, Иданфирс, Савлий, Кадуидас¹². Интересующий нас эпизод разыгрался здесь же, в непосредственной близости от Ольвии (у Геродота — Βορσθενεϊτέων ἄστυ, πόλις 'город борисфенитов'), этой античной Одессы, совратившей своим эллинским духом Скила, вследствие чего он погиб от руки брата — Октамасада.

Сюда же тянулся и след бога моря скифов царских — Тамимасада, так как морем для скифов был Понт Эвксинский, наиболее доступный для них в своей северо-западной части. При всей гипоте-

тичности предложенной нами индоарийской этимологии имени этого бога, мы видим все-таки в ней способ объяснить все слово и его компоненты в контексте других близких имен, чего нельзя сказать об основанной на произвольном членении этимологии варианта *Θαυμασάδας* в связи с ир. (авест.) *Yima-* и персидским *Джамшидом* ¹³.

***aulan-samsara- 'шерстяной, волосяной мыс'**

Так называемый «Равеннский Аноним» упоминает в своем списке прибрежных понтийских «городов» (*civitates*) некий *Aulansum* или *Anlansumsaram* других рукописей ¹⁴. Новейший исследователь Т. Пекканен отмечает уникальность этого свидетельства, неизвестного из других источников ¹⁵. Он склоняется к раздельному чтению и эмендации *Anlansum, Saram* ¹⁶. Расходясь в этих деталях с нашим финским коллегой, мы предпочитаем слитную форму, фигурирующую в двух из трех списков «Анонима» и свою пробную эмендацию — *Aulansamsaram*, которая, как нам думается, помогает прояснить это темное и вместе интересное место, каких много в «Анониме», над гатаксами которого еще следует потрудиться науке. Предпринимаемая нами эмендация в общем незначительна (колебания *u/n* присутствуют в самих списках, как и слитно-раздельные варианты, существенно, пожалуй, только новшество *-sam-*, вместо *-sum-* в списках), а ее перспективность мы пытаемся показать в нижеследующей этимологии. Вообще списки городов этой анонимной раннесредневековой космографии поражают нас обилием «городов» на небольших участках черноморского побережья, которых, если верить «Анониму», оказывается в этих местах больше, чем их имеется там в наш урбанистический век. Но даже если сделать скидку, допустив, что это были по большей части не «города», а скорее названия мест, ценность этих сведений почти не уменьшается. В списках «Анонима» наряду с уникалами мелькают, к счастью, и известные уже из других источников названия, что дает нам в руки географический ориентир в контекст. Так, в интересующем нас месте «Равеннского Анонима» (IV, 5) перечислены «города» *Stamuanum, Lamsacum, Ancarum, Aulansamsaram, Numuracum, Alecturum, Dandarium, Oluvium*. . . Очевидно наличие порчи также в других записях этого в принципе компилятивного текста; разгадав и исправив эти случаи порчи, мы безусловно смогли бы «привязать» к этногеографической карте Северного Причерноморья не одно название. Но есть и бесспорные или довольно ясные случаи, важные для абсолютной ориентации. В нашем отрезке списка это названия *Alecturum, Dandarium, Oluvium*. *Alecturum* тождественно античному *φρούριον* 'Ἀλέκτορος 'укрепление Алектора' (Дион Хрисостом, около 100 г. н. э.¹⁷). Этот оратор описывает данное место как расположенное около впадения в море рек Гипаниса и Борисфена, т. е. на Днепро-Бугском лимане. *Dandarium* — это название длинной Тендровской косы южнее входа в Днепро-Бугский лиман, со стороны открытого моря; об индоарийской принадлежности этого названия уже писалось ¹⁸. «*Oluvium*. . . is clearly a repetition of *Olbiapolis*», — писал Т. Пекканен ¹⁹. Дей-

ствительно, выше у «Анопима» уже назван *Olbiapolis*, т. е. город *Ольвия* при впадении Гипаниса (Ю. Буга). Такое соседство надежно привязывает наше *Aulansamsaram* к Днепро-Бугскому лиману. Но к какому месту конкретно? Неясность, таким образом, остается, и «Аноним» скорее усугубляет ее, сообщая названия без особого порядка и точности. Чтобы помочь ее развеять, мы предлагаем прочтение нашего названия как субстратного индоарийского сложения **aulan-samsara-*, где первый компонент идентичен др.-инд. *aurṇa-* 'шерстяной', а второй компонент образуют соответствия др.-инд. префиксу *saṃ-(saṃ-)* 'с, вместе' и *sara-* 'текущий'. В форме **aulan(a)-* 'шерстяной', таким образом, сохранился этимологический и.-е. *l*, что отмечалось и в ряде других примеров индоарийского субстрата Северного Причерноморья²⁰. Мы отождествляем субстратное **aulan-samsara-* и прежде всего — его внутреннюю форму с внутренней формой названия Кинбурнской косы, или Кинбурнского полуострова, длинной и узкой полоской земли вдающегося в море при входе в Днепро-Бугский лиман. Кинбурн — это, собственно, тюрк. *kyl burnu*, что значит 'волосяной мыс'. Это сочетание, по отзыву специалиста-тюрколога (устная консультация Э. Р. Тенишева) представляется искусственным для тюркских языков, и мы, видимо, вправе предположить для него внешний импульс — передачу (перевод, кальку) значения более древнего, субстратного названия, которое тюркские насельники любопытным образом успели тут застать и даже вступить с соответствующим дотюркским этносом Эдисана (тюркское, османское название этого района Северного Причерноморья) в переходящее двуязычие. Название **aulan-samsara-* 'волосяной мыс', если верна предложенная этимология, могло бы пополнить наши знания реконструируемого индоарийского субстрата, обогатив их апеллативом **ulana-* 'шерсть', откуда прилагательное **aulana-* 'шерстяной', ср. др.-инд. *ūṛṇā* 'шерсть' — *aurṇa-* 'шерстяной', но ир., авест. *varəṇā* 'шерсть'. Сюда же примыкает открытие еще одного примера глагольно-именной основы *sara-* 'текущий' с характерным иранским сохранением *s*, неоднократно встречаемой нами в субстратных названиях Северного Причерноморья: **pari-sara-* 'обтеkanie', ср. *Palastra*, *Balisera*, старые названия Белосарайской косы на Азовском море (XV—XVII вв.) — др.-инд. *parisara-* 'округа, окружность', *parisāra-* 'хождение вокруг', *Parisara*, город в Индии (Ptol. VII, 2, 23)²¹; **api-sara-* 'приток', которое можно реконструировать на базе крымского речного названия *Писарá*, приток а Качи²², ср. др.-инд. *api-sri-*; наконец, возможно, *Mosaris*, восточная оконечность Ахиллесова бега (ныне Тендра) (Ptol. III, V, 2), если из субстратного **mukh-sari-*, ср. соседствующее у Птолемея греч. *Κεφαλό-νησος*, возможно, калькирующее субстратное название²³. Определенная встречаемость образований от глагольно-именного корня *sr-/sar-* в роли обозначений прибрежных и водных объектов в Северном Причерноморье и довольно вероятная индоарийская языковая характеристика этих обозначений создают этнолингвистический фон нашей этимологии вероятного древнего названия Кинбурнского, «Волосяного» полуострова — **aulan-samsara-*.

Этот этюд тоже посвящен западному району Северного Причерноморья, точнее — округе Ольвии, культурно-лингвистические данные которой уже неоднократно привлекали наше внимание в связи с вскрываемым субстратом. На этот раз речь пойдет о любопытном культурном памятнике — молибдии (письмо на свинцовой пластинке), найденном на острове Березань в Днепро-Бугском лимане. Открыватель и исследователь письма Ю. Г. Виноградов характеризует находку как древнейшее греческое письмо, датируя его VI в. до н. э.²⁴ Документ замечателен не только своей древностью, но и поразительной сохранностью: «не пропало не только ни одной строчки, но даже ни одной буквы текста»²⁵. Эти формальные свойства немаловажны для нас и для нашей задачи: идентификации субстратных реликтов. Текст, который легко читается даже сейчас и в металле, и в прориси, гарантирует надежность определения и выделения слов и имен.

Однако 2500 лет, которые, видимо, отделяют время написания письма от нас, слитный характер письма (*scriptio continua*), ионический диалект и естественное наличие гапаксов в ономастике и апеллативной лексике делают понятным трудности, которые ждут каждого, кто возьмется прочитать это письмо. Письмо написано по-гречески, но в нем есть слова, которых нельзя найти в греческих словарях. В этих условиях, конечно, выводы исследователей могут разойтись, и любой из них испытает затруднения; не избежал этого и Ю. Г. Виноградов, несмотря на очевидную тщательность и на помощь компетентных консультантов. Должен признаться, что я расхожусь с автором в некоторых существенных деталях чтения греческого текста на свинцовой пластинке с Березани, найденной в 1971 г. и описанной в цитированной статье. Опуская здесь по соображениям краткости и из опасений отвлечься от темы «Indoagrica» свое полное чтение березанского молибдия, как, впрочем, и чтение Ю. Г. Виноградова, упомяну лишь о своем несогласии с авторской трактовкой слова среднего рода τὸ φορτηγεσίον/ι/ как названия лица. Мне кажется, что этот гапакс обозначает грузовое судно (φορτηγεσίον, sc. ἰ. πλοῖον), что как будто явствует и из состава слова (φορτ-ηγεσίον) и из содержания письма. Не могу, далее, согласиться с манерой чтения Ю. Г. Виноградова, при которой несколько произвольно то исчезает совершенно четкое местное название с предлогом ΕΝ ΑΡΒΙΝΑΤΗΙΕΙΝ (ясно в прориси да и на фото с пластинки, с. 76 статьи и рис. 1 на вклейке) 'в Арбинатах'²⁶, заменяясь на крайне маловероятную конъектуру ἐν ἄρ(τ)ῖνα τῆσι, не до конца ясную и самому автору; то явно апеллативное εὔνερος (гапакс, неизвестный ни из лексики, ни из ономастики, но в общем понятный как нарицательное слово) превращается автором в имя неясного персонажа Εὔνερος, что дополнительно затемняет конец письма. Такая исследовательская методика привела к перегрузке содержания письма явно несуществовавшими лицами, а слишком узкий подход к местной специфике документа не позволил увидеть туземный топоним ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ только потому, что в гре-

ческим отсутствовало слово, начинающееся на ΑΡΒ. Если быть последовательным, то надо было тогда не признать и имя ΜΑΤΑΣΥΣ, поскольку оно не зафиксировано в справочниках. Личное имя собственное ΜΑΤΑΣΥΣ, читаемое и автором цитированного исследования, фигурирует в Березанском письме три раза, и его форма практически не вызывает споров, несмотря на описки резца по пишному материалу. Это негреческое туземное имя человека, обидевшего составителя письма. Суть содержания письма (если опустить здесь моменты чтения, в которых мы расходимся с Ю. Г. Виноградовым) — это просьба некоего Ахиллора к своему сыну Протагору и некоему Анаксагору (именно таков адрес, надписанный на обратной стороне пластинки) вступить за него (Ахиллора) перед неким Матасием, обидчиком и обманщиком; в конце письма отец передает Протагору, что его мать и братьев в Арбинатах он отправляет (велит отправляться) в город.

Перед нами неотправленное письмо, в этом можно согласиться с Ю. Г. Виноградовым. Прав автор и в том, что слова «в город» (ΕΣ ΤΗΝ ΠΟΛΙΝ) имели в виду Ольвию. Предприимчивый Матасий действовал, очевидно, тоже в Ольвии. Он не без успеха вел дела с местными греками, но сам греком не был. Не был он и иранским скифом (его имя не дает оснований считать его таковым), хотя время (VI в. до н. э.) было скифское. В этом случае, когда отказывают ресурсы греческого и иранского, мы предлагаем прочесть имя ΜΑΤΑΣΥΣ как индоарийское **mata-su-* ‘умысливший доброе’, хотя этимология звучит здесь злой иронией после ознакомления с письмом о проделках Матасия. Те же (или близкие) компоненты засвидетельствованы в ином порядке в древнеиндийской и шире — индоарийской лексике и антропонимии, ср. др.-инд. *su-mati-* ‘благожелательность’²⁷ в качестве личного собственного имени *Šaumati* (с продлением-врддхи в корне) у митаннийских индоарийцев в Передней Азии (Ср. Maqrhofer II, 564).

Ольвия была рано грецизирована, ее населяли греки по языку и культуре, они писали по-гречески и носили греческие имена. Рядом расстилалась Скифия, и ее взаимодействие с Ольвией (в том числе на языковом уровне) в общем известно. Но в самой Ольвии и окрестностях еще жил третий этнос и жил, как видим, активно, приспособляясь к новым условиям существования. Кроме имен людей, туземные следы третьего этноса сохраняла и хора (окрестности) Ольвии. Сюда относится местное название ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ, где находилась семья (жена и дети) упомянутого Ахиллора. Это название тоже не греческое и не иранское (скифское), но оно очень живо напоминает древнеиндийские сложения со вторым компонентом *-nātha-*, ср. *bhūta-nātha-* ‘властелин духов’, также имя бога Шивы *Bhūtanātha-*, ср. уже отмечавшееся тождество последнего с эпиграфическим именем *Βουτονατος*²⁸ на камне, найденном в Одессе, на Молдаванке. Текст последней надписи — посвящение от стратегов Ольвии — не оставляет сомнений в ее территориальной приуроченности. Имена ΒΟΥΤΟΥΝΑΤΟΣ (род. п.) и ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ объединяет как территориальная близость, так и, по-видимому, общая этнолингвисти-

ческая природа. Оба сложных имени имеют один и тот же второй компонент, тождественный др.-инд. *-nātha-* 'помощник, покровитель, господин'. Первый компонент в *ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ* мог бы быть отождествлен с др.-инд. *ārbha-* 'малый, маленький, молодой' или, скорее, с соответствующей формой на *-i* женского рода, и хотя полное название др.-инд. **arbhi-nātha-*, что-то вроде 'покровитель малым', нам неизвестно, возможность существования такого индоарийского образования допустима. Что же касается греческой формы *ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ* Березанского письма, то это топонимический плюрал (от *ΑΡΒΙΝΑΤΗΣ*, ед. ч. м. р.). О дальнейшем — жилом или культовом — назначении места под этим названием близ города Ольвии можно пока только строить предположения.

- ¹ См.: *Трубачев О. Н.* [Круглый стол «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии». Обсуждение] — Народы Азии и Африки, 1980, № 5, 118.
- ² *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland. — In: *Vasmer M.* Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde, herausg. von H. Bräuer, Bd. I. Berlin—Wiesbaden, 1971, 116, 118, 120.
- ³ В кн.: Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979, 272 и сл.
- ⁴ Фасмер осторожно ссылается для сравнения на имя «фракийца» *Μηδοσάδης*. Но именующийся так у Ксенофонта посланник фракийского владыки Севта вовсе не обязательно был сам фракийцем. Имя *Μηδοσάδης* не является специфически фракийским в языковом отношении, и специалисты обычно не включают его в фракийский ономастикон и лексикон. Вместе с другим структурно близким именем *Παρισάδης*, *Παρισάδης*, *Βηρισάδης* оно откровенно тяготеет к индоиранской языковой области. С еще меньшим основанием предпологает Фасмер в *Ὁκταμασάδης* наличие суперлатива **auktama-* 'высший', обходя при этом молчанием как остающийся компонент, так и необходимость объяснить при этом парное имя *Θαριμασάδας* (см.: *Vasmer M.* Op. cit., 118).
- ⁵ *Grassmann H.* Wörterbuch zum Rig-Veda. 5. Auflage. Wiesbaden, 1976, 524; *Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь. М., 1978, 236.
- ⁶ *Grassmann.* Op. cit., 1063; *Кочергина.* Указ. соч., 521.
- ⁷ См. также: *Barrou T.* Санскрит. М., 1976, 35, 90.
- ⁸ *Кочергина.* Указ. соч., 111; *Grassmann.* Op. cit., 1194.
- ⁹ Этимологии из ир. *ušta-+mazata-* 'прославленный властелин' (Мюлленхофф) и из ир. *ušta-+mazda-* (Миллер), см. отрицательно: *Vasmer M.* Op. cit.
- ¹⁰ *Teodorsson S.-T.* On the pronunciation of Ancient Greek zeta. — *Lingua* 47, 1979, 328.
- ¹¹ Там же, 330, 331.
- ¹² См. специально: *Трубачев О. Н.* «Старая Скифия» (*Ἰσχυαίη Σκυθίη*) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект. — ВЯ 1979, № 4, с. 35—36; *Он же.* Indo-Arica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция. — ВЯ 1981, № 2, passim; *Он же.* Indo-Arica dans la Scythie. — *Ponto-Baltica* 1, 1981, 126.
- ¹³ Д. С. Раевский в кн.: *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975, 181.
- ¹⁴ *Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica.* ediderunt M. Pinder et G. Parthey. Berolini, 1860, 177 (IV, 5).
- ¹⁵ *Pekkanen T.* The Pontic civitates in the Periplus of the Anonymus Ravennas. — *Arctos. Acta Philologica Fennica* XIII, 1979, 117.
- ¹⁶ См. еще: *Latin sources on North-Eastern Eurasia*, by P. Aalto and T. Pekkanen, P. I. Wiesbaden, 1975, 39, 46.
- ¹⁷ *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890, 172. О дальнейших (индоарий-

- ских) истоках названия 'Αλέκτωρ — *Alecturum* — *Алтарь* см.: Трубачев О. Н. Из балто-славянских этимологий. — Этимология. 1978. М., 1980, 15 и сл.
- ¹⁸ Трубачев О. Н. О синдах и их языке. — ВЯ 1976, № 4, 62—63.
- ¹⁹ *Rekkanen T.* The Pontic civitates in the Periplus of the Anonymus Ravennas, 117.
- ²⁰ Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье . . . — ВЯ 1981, № 2, 14.
- ²¹ Трубачев О. Н. О синдах и их языке. — ВЯ 1976, № 4, 57—58.
- ²² Словник гідронімів України. Ред. К. К. Цілуйко. Київ, 1979, 425.
- ²³ Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. — В кн.: Этимология. 1979. М., 1981, 122—123.
- ²⁴ *Виноградов Ю. Г.* Древнейшее греческое письмо с острова Березань. — ВДИ 1971, № 4, 74 и сл., 76—77.
- ²⁵ Там же, 75.
- ²⁶ Так, между прочим, читают это несомненное место и другие исследователи, см.: *Брашинский*. Рец. на кн.: *Wasowicz A.* Olbia et son territoire. Paris, 1975. — Советская археология 1977, № 3, 304; см. так же: *Отрепшко В. М.* Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья. — Советская археология 1981, № 1, 40.
- ²⁷ Ср. *Wackernagel J.* Altindische Grammatik. Bd. II, 1. Einleitung zur Wortlehre. Nominalkomposition. 2. Auflage. Göttingen, 1957, 231.
- ²⁸ Трубачев О. Н. «Старая Скифия» ('Αρχαία Σκυθία) Геродота (IV, 99) и славяне, 39.

Г. Т. Риков*

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1. Др.-инд. *lā-* 'брат, схватывать', лув. *la-* 'брат'

Этимология др.-инд. *la-* (3 л. ед. ч. наст. вр. *lāti*) 'брат, схватывать' до сих пор остается неудовлетворительной. Рену предположил связь с др.-инд. *rā-* (3 л. ед. ч. наст. вр. *rāti*) 'давать', приведя в качестве семантической параллели др.-инд. *dā-* 'давать': *ā-dā* 'брат, взять'¹. Эта параллель представляется ошибочной, так как семантическая оппозиция др.-инд. *dā-* 'давать': *ā-dā* 'брат, взять' обуславливается противопоставлением форм активного и среднего залога. Формы со значением 'брат, взять' всегда в среднем залоге; их первоначальное значение, как подчеркнул еще Грассман, было 'давать себе' (> 'брат, взять, получать'²). Единственным и, надо сказать, мнимым исключением являются активные формы древнеиндийского аориста *ā-da-* (ед. ч. 1 л. *ādam*, 2 л. *ādas*, 3 л. *ādat*), которые Вакернагель уже объяснил как возникшие на основе 3 л. ед. ч. *ā-dat* < **ā-da* (с нулевым вокализмом корня и с ведической вторичной флексией для 3 л. ед. ч. среднего залога *-a*) + *-t* (вторичная флексия 3 л. ед. ч. актива)³.

Допущение, что *lāti* — форма, современная по отношению к древнеиндийскому *lābhate* 'берет' (Maughofer 19, 99), также не бесспорно. Так как *lāti* встречается впервые в *Dhātupāṭha*, Барроу с полным основанием сомневается в правильности этой гипотезы⁴.

* © Г. Т. Риков, 1984 г.